

БИБЛИОТЕКА
“НОВОЙ КНИГИ”

КАМЧАТСКИЕ
БИОГРАФИИ

Е.В. Гропянов

ПИСАТЕЛИ КАМЧАТКИ

Союз писателей России

Библиотека “Новой книги”
Камчатские биографии

Е.В. Гропянов

ПИСАТЕЛИ КАМЧАТКИ

Союз писателей России

Петропавловск-Камчатский
Холдинговая компания “Новая книга”

2005

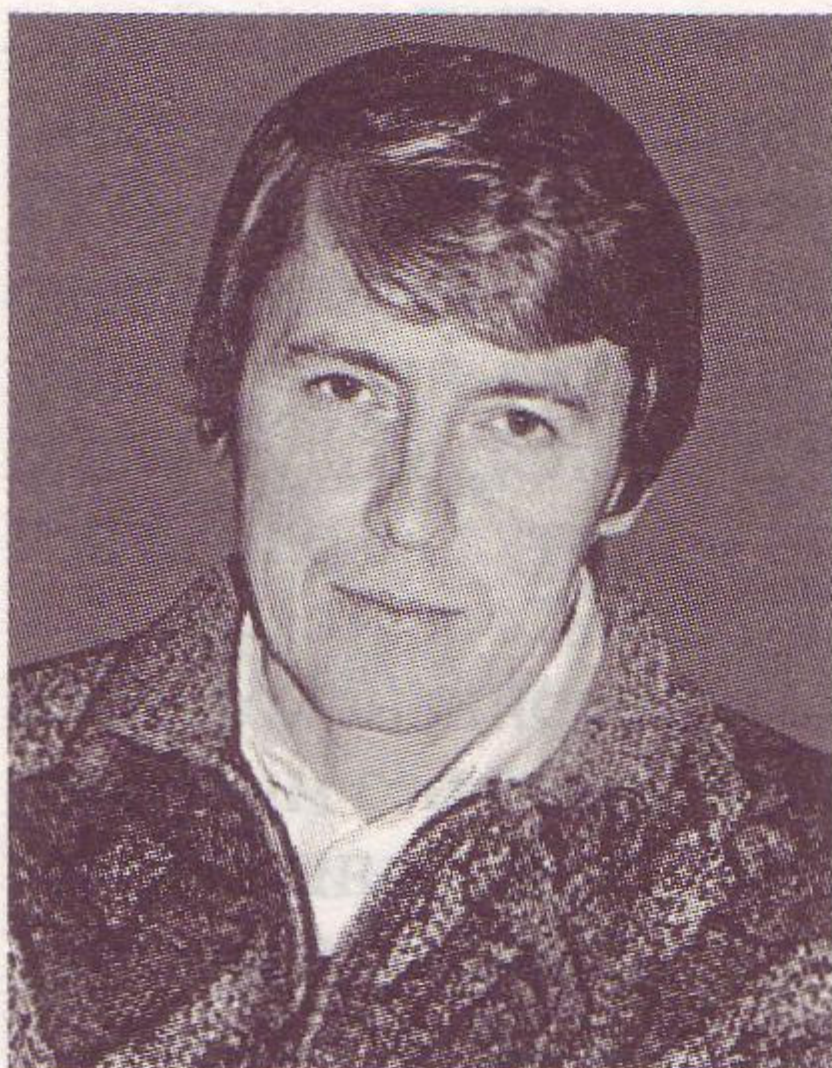
Рекомендовано управлением образования администрации Камчатской области для общеобразовательных учреждений Камчатской области.

Рецензенты:

Л.В. Углова, заведующая кабинетом русского языка и литературы Камчатского областного института повышения квалификации педагогических кадров, заслуженный учитель РФ.

В.Л. Тюменцев, заместитель начальника управления образования Камчатской области, заслуженный учитель РФ.

Справочное пособие «Писатели Камчатки» посвящено Камчатскому региональному отделению Союза писателей Российской Федерации (1974—2004). Кроме того, в справочном пособии даны материалы об авторе знаменитого труда «Описание земли Камчатки» С. П. Крашенинникове и первом камчатском члене Союза писателей СССР А. А. Харитановском.

Нечаев Владимир Иванович

Автобиография

МОИ КАМНИ

Жизнь, как вечно дрящущее начало.

В слове "было" звучит безнадежность.

Не родился, но рождаюсь в том 57-м, через четыре дня после запуска первого искусственного.

Достоевский забросил в пространство топор, который вращался на манер спутника. Новое слово прижилось. Литературный гений писателя угадал будущее. Но почему топор? Мнится, мастер и здесь не ошибся. О секретном оружии в космосе теперь говорят мало: эпоха всеобщего потепления.

Уходя дальше, оглядываясь, вижу огонь. Ягельная тундра несет его в своей широкой ладони. Горит тундра. Сухой ягель — порошок, и воздух сиз от дыма. Пожар тушат все. Отец возвращается поздно вечером верхом на лошади с грибами в складках болотных сапог. Выходим с младшим братом встречать. На горизонте — огненная полоса. Немного страшно.

Огонь для меня не главная стихия. Больше — воздух, вода, их на Камчатке с избытком, всех оттенков, особенно весной. Поселок Оссора на песчаной косе. Здесь междуводье. Хватает соленого и пресного. Но перед этим несколько лет мы жили в маленьком рыбацком поселке, которого давно уже нет на карте.

По радио — лихой хит, как бы сказали теперь. "Куба — любовь моя, слышишь, печатный шаг". Песня мне нравится. Какие-то парни в узких галстуках распевают у киноклуба "Бригантину". Моя мать называет их стилистами. Слово бранное, теперь забытое. Бедная моя матушка! Нас у нее четверо мужиков. Она выучит меня на инженера-технаря. Это даст мне возможность зарабатывать на хлеб. Отец — секретарь парторганизации номинально, но больше хозяйственник, одно время — председатель сельского совета. За всю свою жизнь не взявший чужого. Как я теперь понимаю — хороший столяр. Все заняты рыбной путиной. Нужно дать план и чуть больше. Проблема плана меня совсем не занимает.

Когда я немного подрос, стал понимать, что в мире, кроме вещественного, есть что-то еще. Оно забирало, и достаточно было присут-

ствия этого, без попытки с моей стороны дать имя. У Блаженного Августина много позже нашел точное определение: Град Небесный.

Мир расширялся с немыслимой скоростью. Космос и Гагарин у всех на языке. Кроме "Робинзона Крузо" и "Гекльберри Финна" перечитываю "Легенды о звездных капитанах" Альтова. Фантастическая проза становилась продолжением романтики, которой пропитан, кажется, воздух. Одно из развлечений, кроме книг и уличных игр, — играть в лапту выходила вся улица, — кино. Билет стоит пять копеек. Кино, в основном, советское. Потом стали крутить итальянское, польское, индийское, американское. Лузгают семечки, плачут, взрываются восторгом. Помню "Ночь без милосердия", "Пепел и алмаз", "Брак по-итальянски", "Бродяга". В названиях фильмов — магия. На индийские фильмы — всегда аншлаги. Мы, малышня, сидим на полу. Неудобство не мешает.

Рядом с домом Берингово море. Отлив. Штиль. Острый запах водорослей. Ловить крабов на мелководье, бить шершавую камбалу острогой — удовольствие. Чище, соленее и притягательнее морской воды ничего не знаю.

Лет в двенадцать у меня появилась одностволка. Старший брат учит стрелять.

О сочинительстве я тогда не думал. Но хорошо знал Есенина, наравне с прозой Джека Лондона. Русская поэзия и американская проза во мне многое определили. Равно как и тот уголок земли, который остался для меня землей обетованной, островом в океане, местом дремучих кедров, пространством тундры и прибойной волны.

Прошлое не оторвать от меня.

В редкие минуты "Я" просыпалось, тогда приходило чувство заброшенности, пустынности и — острое: ты защищен, оберегаем тем, что много добрее, сильнее и надежнее идеологии, атомного оружия и братского единства народов.

В армии я написал первое стихотворение. Человека надо сжать под прессом тоски, несвободы, чтобы он взял высокую ноту.

Адам, получив способность давать имена, не забывал о запрете подходить к Древу Добра и Зла. Став свободным и заработав косноязычие, он утратил свое умение. Потом, в армейском х/б, за колючей проволокой, разгребая уральский снег, он возвращает себе забытый дар.

Первая моя книга "Золотые звери", изданная в 1991 году, отчасти на деньги предпринимателя Ефима Левина, большого ценителя поэзии, отчасти на мои собственные, была целиком традиционной. В поисках философского камня я написал вторую книгу "Россия — с печалью".

Зазор между эпохами, где многие потеряли головы, дал мне понимание необходимости другого языка. "Утешитель" (2003 г.) — попытка синтетического жанра. Смелый человек Александр Ребров, начальник камчатской культуры, нашел деньги для третьей моей книги, очень важной для меня.

Процесс создания литературных текстов, как мне представляется, один из немногих способов думать.

г. Петропавловск-Камчатский, 2000—2003 гг.

Владимир Нечаев